УДК 811.111

© 2023 Е. В. Филатова

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТЕОРИИ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПОНИМАНИИ И ТОЛКОВАНИИ СИНТАГМЫ

В статье представлены различные концепции построения речи. Описываются особенности употребления термина «синтагма», история развития теории синтагмы. В центре внимания сложности при объяснении, чем синтагма отличается от словосочетания, члена предложения и предложения. Термин по-разному понимается лингвистами. Даны основные его интерпретации. Появление вопросов, касающихся речевой деятельности человека, приводят к выяснению того, как реально порождается речь, каковы её структура и типичные единицы. Важно чётко осознавать бинарную структуру лингвистического мира, которая представлена сферой языка и сферой речи.

***Ключевые слова**: синтагма, язык, речь, единица языка, единица речи, высказывание.*

© 2023 E. V. Filatova

DISCREPANCIES IN THE SPEECH CREATION THEORY AND INDETERMINACY IN SYNTAGMA COMPREHENSION AND INTERPRETATION

Different concepts of speech creation are highlighted in the article. Peculiarities of the syntagma term usage, the history of syntagma theory development are described. Attention is paid to intricacies of explanation the differences between the syntagma, the collocation, the part of the sentence and the sentence. The term is conceived in different ways by linguists. Its main interpretations are provided. Issues referring to the human speech activity lead to clarification how the speech is actually created, what structure and typical units it has. It is important to understand the binary structure of the linguistic world which is represented by the sphere of language and the sphere of speech.

***Key words**: syntagma, language, speech, language unit, speech unit, utterance.*

1. Вводные замечания. Вопрос языка и речи является методологически важным при любом лингвистическом исследовании. Лингвистическая картина мира предстаёт в двух видах: языковая, или статическая, предметно-словесная (отражающая в обобщённой форме предметный мир), и речевая, динамическая, отражающая мир в движении, во времени и пространстве, обусловленности и развитии, представляющая качественно иное его состояние.

Речь выступает как основной инструмент познания и освоения мира, что обусловливает и усиливает интерес к различным её проблемам.

Познание речи одновременно является и познанием постоянно изменяющегося мира, его законов, тенденций и традиций. Вот почему необходимо разграничивать язык и речь и изучать обе эти сферы, не смешивая их и их единицы. К языку проявляют интерес, как к

арсеналу всеобщих лингвистических средств, его норм, правил, аналогий, законов и закономерностей, а к речи – как к вызывающему удивление (а часто и восхищение) индивидуально-творческому использованию отдельными людьми общенародного языкового материала.

При этом появляется много вопросов, касающихся речевой деятельности человека. Поиски ответов на них приводят к истоку – к выяснению того, как реально порождается речь, каковы её структура и типичные единицы. Даже при обычном лингвистическом развитии личности, не говоря уже о научных исследованиях, важно чётко осознавать бинарную структуру лингвистического мира, которая представлена сферой языка и сферой речи. О важности их осознания и разграничения говорили многие лингвисты, начиная с В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1964], Г. Пауля [Paul, 2002] и Ф. де Соссюра [Соссюр, 1977]. Но среди них мало было тех, кто в своей деятельности именно так и поступал. Если человек говорит о важности их разграничения, но при этом объединяет или смешивает единицы этих сфер, как это делали Ф. де Соссюр и его бесчисленные сторонники, то их действия представляются несколько непоследовательными. Наиболее чётко разграничивали эти две сферы И. А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ, 1963] и Л. В. Щерба [Щерба, 2004].

При освещении лингвистических проблем необходимо придерживаться целого ряда принципов. И первым из них, безусловно, является чёткое и последовательное разграничение языка и речи. Смешивая эти сферы или их единицы, нельзя представить никакой убедительной лингвистической концепции, так как любая из них изначально будет деформирована.

Язык – это статическая система, код, номинация, общенародный арсенал установившихся лингвистических средств, парадигм, предписаний, правил и требований, т. е. это система объективных средств и возможностей. Его единицы предполагают:

– *существование до речевой деятельности субъекта;*
– *отдельность;*
– *самостоятельность;*
– *всеобщность;*
– *заданность структуры и значения;*
– *обобщённость значения;*
– *воспроизводимость.*

Так, слово как языковая единица, называя предмет, определяет его по сущностному признаку, противопоставляя всем другим предметам, у которых иные сущностные признаки. Оно обозначает любую из бесчисленных однотипных реалий, независимо от их индивидуальных признаков и качеств.

Речь – это динамика, лингвистический способ формирования, выражения и передачи мыслей, чувств, тончайших движений души, это сфера реализации субъективных возможностей общения. Её единицы предполагают:

– индивидуально-креативный характер порождения в процессе речевой деятельности;
– субъективную (авторскую) заданность структуры и содержания;
– коммуникативное назначение;
– структурно-смысловую сочетаемость;
– конкретность структуры;
– ситуативность значения.

Речевые единицы, отражая реалии, разграничивают их не только по сущностным свойствам, но и по актуальным акцидентным признакам, по ситуативным показателям, порой совершенно случайным, выделяя данный предмет не только из всех существующих предметов, но и из бесконечного ряда аналогичных, делая его предельно узнаваемым.

Таким образом, язык и речь – это разные сферы, единицы языка и речи – качественно разные лингвистические реалии. Их смешение ведёт к автоматическому смешению сфер языка и речи, что неизбежно приводит исследователя в тупик и становится объективным и закономерным тормозом в исследовательской деятельности.

По проблеме, обсуждаемой в статье, были изучены последние публикации на английском языке, представленные в открытом доступе [Aarts, 2001; Baird, Evans, Greenhill, 2021; Baker, Hengeveld, 2012; Denham, Lobeck, 2013; Forsyth, 2013; Found, 2017; Kuperman, Siegelman, 2022; Ruppel, 2018].

2. Основная часть. В лингвистике и психолингвистике существует несколько концепций построения речи, в связи с чем возникает естественный вопрос: почему процесс порождения речи у всех людей один, а его интерпретаций несколько? Такая ситуация вызывает сомнения относительно своей логичности и объективности. Она заставляет размышлять о её причинах, о необходимости верификации предлагаемых концепций с эффективными её принципами и уместными методическими способами и приёмами. Если научная концепция порождения речи строится на основе речевой деятельности, с учётом всех её видов – продуцирующих и рецептивных, устных и письменных, – то при верификации она должна и проверяться речевой деятельностью. Обратимся к наиболее известным из этих концепций.

В своё время Н. Хомским [Хомский, 1962] была предложена стохастическая модель порождения речи. Она представляла речь в виде цепочки непосредственно составляющих языковых компонентов.

Автор утверждал, что речь строится на основе элементарных «ядерных предложений». Он их квалифицировал как непосредственно составляющие, «базовые» языковые элементы. Появление в речевой цепи каждого нового элемента обусловлено предыдущими компонентами.

Но автор ничего не говорит о характере передаваемого содержания, которое ещё в большей степени обусловливает появление новых компонентов. Его модель разработана им на основе принципа, согласно которому язык является особым механизмом, создающим «правильные фразы».

Здесь уместна фраза, введенная Н. Хомским в научные дискуссии еще в 1950-е годы: *Colorless green ideas sleep furiously.* Что, в свою очередь, вызвало немало интерпретаций в мире лингвистики. Например, стихотворение структурного лингвиста Д. Хаймса:

Hued ideas mock the brain
Notions of color not yet color
Of pure and touchless, branching pallor
Of an invading, essential green.

Но если у одних носителей языка эти фразы правильные, а у других – не очень, то, по-видимому, дело здесь вовсе не в языке, «создающем правильные фразы», хотя грамматические правила, действительно, представляют систему, позволяющую порождать и понимать бесконечное число предложений.

По отношению к структуре предложения Хомский активно пользуется понятиями *поверхностная структура*, *глубинная структура*, *ядерная структура*.

Поверхностная структура предложения, по его представлению, та, которую слышат или воспринимают при чтении.

Глубинная структура – отражает смысл высказывания.

Ядерная же – это элементарная структура.

Субъективность такой дифференциации очевидна. Мысли Хомского, безусловно, интересны, но они совершенно не проясняют вопроса о реальном построении речи и её исходной единице. Они не соотносятся с верификацией, оставаясь исключительно гипотетическими утверждениями автора, и интересны как попытки, направленные на изучение тех или иных сторон речевой деятельности без какой-либо опоры на неё и без попыток проверить свои выводы на предмет их соответствия истине.

Исследователь не ставит своей целью определить реальную исходную единицу речи, выяснить её сущность и признаки, а главное, подтвердить это фактами речевой деятельности. В своей концепции он устанавливает и распределяет роли для базовых единиц языка, которые сам же и определяет, причём без достаточных оснований.

Обращает на себя внимание тот факт, что при построении своей классификации Хомский использует разные принципы. Он не разграничивает лингвистические сферы языка и речи, в результате чего им смешиваются единицы этих сфер, что сразу порождает сомнения в правомерности такого подхода и в результатах исследования.

Коллега Хомского Дж. Миллер, опираясь на результаты экспериментов, делает вывод о том, что человек при восприятии речи оперирует единицами, которые больше, чем отдельное слово, что вполне соответствует речевой действительности. Ещё за полвека до этого аналогичное наблюдение сделал Л. В. Щерба и всегда учитывал его при выяснении реальных единиц речи.

Этот вывод Щербы-Миллера, на наш взгляд, методологически весьма важен в том отношении, что единицы восприятия речи одновременно являются единицами её порождения. Именно из них составлены её структура и содержание, точно понять которое можно только на основе единиц его непосредственного порождения. Иными словами, из каких единиц речь составляется, на их основе она и воспринимается. И, наоборот, на основе каких единиц речь воспринимается, именно из них она непосредственно и составлена.

Основу теории порождения речи, предложенной Л. С. Выготским, составляют постулаты о единстве процессов мышления и речи, о соотношении понятий «смысл» и «значение», а также учение о структуре и семантике внутренней речи. Согласно его теории, процесс перехода от мысли к слову осуществляется следующим образом: от мотива, порождающего мысль, к её оформлению, сначала отражению ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слови, наконец, в самих словах.

Интересно отметить, что все термины, используемые автором при пояснении, вполне понятны, но мысль его не совсем ясна и поэтому не убеждает. Утверждение Л. С. Выготского о том, что «мысль не выражается, а совершается в слове», воспринимается в качестве афоризма: такое же лаконичное и образное. Но оно не соответствует речевой практике.

Мысль не совершается и не может совершаться в слове, ибо она всегда отражает динамику, движение, время. Она предполагает *сочетание её компонентов*, тогда как слово – обобщённый, самодостаточный, отдельный знак наименования. Оно единица общественного сознания, а любая речь – факт индивидуального сознания. Каждое слово лексической системы языка отражает какую-то реалию в языковой (словесно-предметной), статической, застывшей картине мира. По мнению А. А. Потебни [Потебня, 1993], слово носит вневременной характер и вне речи статично («мертво»),

представляя отдельную обобщённую единицу наименования предмета, действия, качества, состояния. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Так что мысль не совершается в слове, она выражается, сохраняется и передаётся в мгновенно возникающих в сознании субъекта речи и последовательно наращиваемых им спонтанных *структурно-смысловых сочетаниях слов с конкретным ситуативным значением – в синтагмах*.

А. А. Леонтьев строит свою концепцию порождения речи на основе структуры акта речевой деятельности. Главное место в ней занимает модель порождения речевого высказывания. Она включает у него пять этапов.

Первый этап – это мотивация, порождающая речевую интенцию, т. е. направленность сознания, воли, чувства субъекта на конкретный предмет.

Второй этап составляет замысел, преобразующийся в обобщенную смысловую схему высказывания с чётким определением темы и ремы.

Третий этап – это внутреннее программирование, предполагающее процесс построения определённой схемы порождаемого высказывания. Реализуется он благодаря операции определения основных смысловых элементов, установления иерархии смысловых единиц в контексте высказывания и последовательности их в высказывании.

Четвёртый этап отражает лексико-грамматическое распространение высказывания, знаменующее переход от внутренней речи к семантическому отражению. Происходит переход к языковым единицам как средству объективного кода.

Пятый этап завершает реализацию высказывания во внешней речи.

Данная концепция тоже не убеждает. И вот почему.

Если мы попытаемся проверять её основательность, опираясь на метод верификации, например, при обращении к речевой деятельности детей-дошкольников, многие из которых говорят не хуже взрослых людей, даже не подозревая о пятиэтапном характере своей речи, минуя «тему и рему», сознательное «внутреннее программирование» и «определённую схему порождаемого высказывания», то не найдём у этой концепции никаких соответствий с порождением детской речи. Возможно, так порождается подготовленная речь у психолингвистов и лингвистов, но только не спонтанная, мгновенная речь детей. А значит, в таком случае нет оснований говорить о концепции порождения речи вообще.

При решении рассматриваемой проблемы исследователи уделяют психологическому аспекту порождения речи, схемам, программированию, темам, ремам и этапам больше внимания, чем живой речи, в связи с чем их концепции носят гипотетический характер. В

вопросе восприятия речи у них, несмотря на выводы Дж. Миллера, преобладает мнение, согласно которому единицей её восприятия является слово, что после мыслей Л. В. Щербы об исходной единице восприятия речи выглядит весьма неубедительно.

Если содержание речи составляется не из последовательного наращения значений слов как самостоятельных смысловых единиц языка, что признаётся всеми лингвистами, то как может отдельное слово быть единицей восприятия содержания, к составлению которого оно не имеет непосредственного отношения?

Общий недостаток упоминаемых концепций порождения речи с их моделями, внутренним программированием, предполагающим построение определённой схемы порождаемого высказывания, и алгоритмами в том, что они, игнорируя разграничение сфер языка и речи и их единиц, не только не прояснили вопрос о порождении речи, но даже не определили её реальную исходную единицу. Трудно представить убедительную концепцию, не разделяя сфер языка и речи, языковых единиц и речевых, без внимания к реальной исходной речевой единице.

У большинства людей речь обычно спонтанна. Их речевая деятельность носит автоматический характер. Носители языка, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, тем не менее, легко передают необходимую информацию с различными логическими и грамматическими отношениями (противопоставления, времени, условия, цели, причины, следствия и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи нередко испытывают затруднения и лишь немногие вполне успешно справляются с заданием.

Таким образом, в спонтанной речевой жизни люди при необходимости легко передают соответствующие значения, а с подключением сознания у них появляются проблемы. И это свидетельствует о том, что концепция сознательного построения речи путём внутреннего программирования и распространения структурных схем предложений весьма сомнительна.

Размышления над современной синтаксической теорией порождения речи приводят к мысли, что некоторые её положения выглядят недостаточно обоснованными, неубедительными. Согласно господствующей концепции предложение как коммуникативная структура строится путём наращения слов как смысловых единиц языка на основе структурной схемы предложения, которое является минимальной речевой единицей, имеющей чёткие границы и выступающей в качестве основы построения текста.

В то же время высказываются мысли об «открытых и закрытых структурах предложений» как единицах построения текста, что противоречит господствующей концепции речепорождения и положению о строгих и чётких границах предложения, логически не согласуется с утверждением об открытых предложенческих структурах и не соотносится с представлением о единой научной теории как системе взаимосвязанных знаний.

Во-первых, с одной стороны, декларируется исключительная роль отдельного слова в построении предложения (речи), с другой же – это слово интонационно теряется в речи, в разграничиваемых паузами лексических группах. Интонационно речь не разграничивается на отдельные слова. В печатном тексте слова разграничены пробелами, но это вовсе не значит, что они разграничиваются и интонационно.

Во-вторых, утверждается, что для предложения характерны чёткие границы, но в то же время, оказывается, в него можно включать не одну, а несколько дополнительных предикативных единиц.

Весьма странное представление о чёткости и строгости границ. Что же касается построения предложения (и речи в целом) на основе структурной схемы при помощи слов-распространителей, эта мысль опровергается тем, что предложение, как и речь в целом, воспринимается не на уровне отдельных слов.

В данном случае нарушается логическая обусловленность, смысл которой в том, что предложение и текст воспринимаются на основе тех речевых единиц, из которых непосредственно были составлены их структура и содержание. Если речь воспринимается не на уровне слов как самостоятельных значимых единиц языка, следовательно, не из них она и составлена. Чтобы разобраться в проблеме, нужно обратиться к самому надёжному источнику – к устной речи, как первичной, природной форме общения, и выяснить, какие именно минимальные речевые единицы интонационно выделяются и разграничиваются в ней её субъектом, позволяя понимать её в момент порождения, и тем самым увидеть, из чего она реально составляется.

В античные времена синтагму относили к области синтаксиса (*Syntagma* – с греч. «вместе построенное, соединённое»). Под влиянием античных теорий к области синтаксиса относил её М. Смотрицкий, когда в начале семнадцатого века описывал, как нужно строить «Грамматики Славенския правилное Синтагма». Он даже включил её в название своей грамматики.

Затем интерес учёных переключился на словосочетание и предложение и термин синтагма вышел из употребления. Возвращение его в науку отражает стремление

лингвистов завершить изучение синтаксической теории при чётком разграничении сфер языка и речи и их единиц. Но занимались они этим эпизодически. Объём и результаты исследований не соответствуют той роли, которую синтагма реально играет в процессе речевой деятельности.

Проявление интереса к синтагме отмечается с начала XX века, и связано оно с именами Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. И. Карцевского, Ш. Балли, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и других учёных.

Однако многие лингвисты соотносят её с разными языковыми и речевыми уровнями и фактами. Некоторые из них объясняют её не как реальную лингвистическую единицу, а как признак лингвистической единицы при объединении двух (и более) компонентов на фонетическом, морфемном, морфологическом или синтаксическом уровне, отражающий отношения определяемого и определяющего. При этом смешиваются языковая и речевая сферы.

Развитие теории синтагмы находит отражение в работах Г. Р. Тукумцева, М. В. Скепской, С. Г. Тер-Минасовой, Л. М. Ждановой, О. С. Родионовой, М. В. Влавацкой и других исследователей.

Рассматривая синтагму на фонетическом уровне, соотнося, а часто отождествляя её с речевым тактом, учёные добились того, что получили ещё один синоним известного языкового явления, для которого уже существовал общепринятый термин такт. Стремясь осветить один проблемный вопрос, они затемнили другой, уже достаточно ясный, так и не сумев убедительно разъяснить, чем же различаются речевой такт и синтагма.

Другие лингвисты, рассматривая синтагму как синтаксическую структуру, квалифицировали её в качестве структурно-смысловой единицы языка, а не как единицу речи, что опять-таки свидетельствовало о смешении лингвистических сфер языка и речи, а также об отсутствии чётких критериев разграничения лингвистических единиц по сферам функционирования.

Это привело к тому, что появились сложности при объяснении, чем синтагма отличается от словосочетания, члена предложения и предложения. Пришлось остановиться на тезисе, согласно которому каждое предложение делится на синтагмы, что тоже далеко не всегда соответствовало действительности.

3. Выводы

Подводя итоги, можно отметить: в настоящее время термин *синтагма* по-разному понимается лингвистами. Вот основные его интерпретации:

1) *синтагма* – это бинарное объединение языковых или речевых единиц с установлением между ними отношений определяемого и определяющего на морфемном, словесном, морфологическом и синтаксическом уровнях (Ф. де Соссюр, Ш. Балли и их последователи);

2) *синтагма* – это слово в сфере речи, например в структуре предложения, в отличие от слова (лексемы) как единицы лексической системы языка (И. А. Бодуэн де Куртенэ);

3) *синтагма* – единица членения предложения, которое строится при помощи слов и словосочетаний, а воспринимается на основании синтагм (А. Н. Гвоздев, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова);

4) *синтагма* – это синоним термина *словосочетание* (Н. Н. Прокопович);

5) *синтагма* – фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли (ранний Л. В. Щерба, Л. Л. Буланин и др.);

6) *синтагма* – единица членения речи, осуществляемого читателем, который может расчленить речь «на более мелкие синтагмы» или «на более крупные» (Е. А. Брызгунова, М. И. Матусевич, В. К. Колобаев, Г. Кундротас, Б. М. Лобанов);

7) *синтагма* – синтаксическая единица; минимальный интонационно выделяемый структурно-смысловой компонент речи, осознание которого способствует адекватному пониманию содержания (поздний Л. В. Щерба, Н. В. Черемисина).

Существуют и иные её толкования. Однако вопрос даже не столько в том, какой единицей является синтагма – языковой или речевой, сколько в том, что это предельно минимальная, недискретная единица порождения и восприятия речи и всех составных речевых структур. Необходимость её изучения обусловлена важностью её теоретического осмысления, суть которого заложена в коммуникативно-когнитивной направленности речевой деятельности. Объективно синтагма – основная единица речевой деятельности каждого человека, важнейшая структура речи, главная опора при чтении и восприятии текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 203-221.

2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Москва: Просвещение, 1964. Ч I. С. 73-104.

3. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. 56 с.

5. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. Вып. 2. С. 412-527.

6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

7. Aarts B. English Syntax and Argumentation. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. 327 p. (Modern linguistics series)

8. Baird L., Evans N., Greenhill S. J. Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories // Journal of the International Phonetic Association. No. 52(3). 2011. P. 453-494.

9. Baker A. E., Hengeveld K. Linguistics. Blackwell Publishing Ltd., 2012. 469 p.

10. Denham K., Lobeck A. Linguistics for Everyone: An Introduction. Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA, 2013. 575 p.

11. Forsyth M. The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase. London: Icon Books, 2013. 205 p.

12. Found P. Translation or Adaptation? // Journal of Classics Teaching. No. 18. 2017. P. 8-10.

13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus // Studies in Second Language Acquisition. No. 45. 2022. P. 1-35.

14. Paul H. Principien der Sprachgeschichte. Tubingen, Niemeyer, 2002. 288 s.

15. Ruppel A. On Language Teaching // Journal of Classics Teaching. No. 19(37). 2018. P. 53-57.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay, J. N. I. (1963). O zadachakh yazykoznaniya [To the problems of linguistics]. In *Izbrannye trudy po obschemu yazykoznaniyu: v 2-kh. t.* Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. Vol. 1. Pp. 203-221. (In Russ.).

2. Humboldt, W. von. (1964). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda [About differences in the structure of human languages and its influence on intellectual development of the human race]. In *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Moskva: Prosveshchenie. Ch. 1. Pp. 73-104. (In Russ.).

3. Potebnya, A. A. (1993). *Mysl i yazyk* [Thought and language]. Kiev: SINTO. (In Russ.).

4. Saussure, F. de. (1977). *Kurs obshchey lingvistiki. Trudy po yazykoznaniyu* [Course in general linguistics. Writings in general linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

5. Chomsky, N. (1962). Sintaksicheskie struktury [Syntactic structures]. In *Novoe v lingvistike.* Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. Iss. 2. Pp. 412-527. (In Russ.).

6. Shcherba, L. V. (2004). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech activity]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

7. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation.* 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).

8. Baird, L., Evans, N., Greenhill, S. J. (2021). Blowing in the wind: Using 'North Wind and the Sun' texts to sample phoneme inventories. In *Journal of the International Phonetic Association*. No. 52(3). Pp. 453-494.

9. Baker, A. E., Hengeveld, K. (2012). *Linguistics.* Blackwell Publishing Ltd.

10. Denham, K., Lobeck, A. (2013). *Linguistics for Everyone: An Introduction.* Wadsworth, Cengage Learning. Boston, USA.

11. Forsyth, M. (2013). *The Elements of Eloquence: How to Turn the Perfect English Phrase.* London: Icon Books.

12. Found, P. (2017). Translation or Adaptation? In *Journal of Classics Teaching*. No. 18. Pp. 8-10.

13. Kuperman, V. et. al. Text reading in English as a second language: Evidence from the Multilingual Eye-Movements Corpus. In *Studies in Second Language Acquisition.* No. 45. Pp. 1-35.

14. Paul, H. (2002). *Principien der Sprachgeschichte.* Tubingen, Niemeyer.

15. Ruppel, A. (2018). On Language Teaching. In *Journal of Classics Teaching*. No. 19(37). Pp. 53-57.

Филатова Елена Владимировна *– доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24*

Filatova Elena V. *– Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English for Natural Sciences and Humanities Department (e-mail: e.filatova@donnu.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001*

Поступила в редакцию 10 апреля 2023 г.